

За строкой «АРХИПЕЛАГА»...

«Кланяюсь им»

«Когда я начинал эту книгу в 1958 году, мне не известны были ничьи мемуары или художественные произведения о лагерях. За годы работы до 1967 г. мне постепенно стали известны «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и воспоминания Д. Витковского, Е. Гинзбург, О. Адамовой-Слизберг, на которые я и ссылаюсь по ходу изложения как на литературные факты, известные всем (так и будет же в конце концов!».

А. СОЛЖЕНИЦЫН

СЕГОДНЯ, читая начальные главы «Архипелага ГУЛАГ», мы уже знаем, что предвидение Солженицына сбылось — литературными фактами, потрясшими общественное сознание, стали «Колымские рассказы» Шаламова и «Крутой маршрут» Гинзбург. О старом соловчанине Дмитрие Петровиче Витковском, прорабе Беломорканала, рассказывает Солженицын как о человеке, который не успел стать редактором «Архипелага...», и на воспоминания его «Полжизни» ссылается не раз.

А кто такая О. Адамова-Слизберг и какова судьба ее рукописи? Живет Ольга Львовна в Москве, ей 87 лет.

Воспоминания ее «Путь» открывают книгу «Записки вашей современницы», недавно выпущенную в издательстве «Советский писатель», — это первый, женский, выпуск сборника «Доднесь тяготее», задуманного его составителем С. Виленским (здесь уместнее было бы слово Собираатель) как свод лагерных мемуаров в четырех томах. Писала об этой книге до ее выхода, читала некоторые рукописи и все же не представляла, что когда 23 женских рассказа сойдутся под одной обложкой да еще глянут со страниц прекрасные юные лица до и не менее прекрасные после, исполненные величия и страдания страшно провидного пути-этапа, — сознаюсь: не представляла я, что это будет такое потрясение, что так переплетутся здесь горечь самая горькая и свет светлых женщин этих. Позволю предположить даже, что со временем книга эта станет комментарием к главам «Архипелага...» — «Восхождение», «Или растление?»: «Так не вернее ли будет сказать, что никакой лагерь не может растить тех, у кого есть устоявшееся ядро, а не та жалкая идеология «человек создан для счастья», выбиваемая первым ударом нарядчикова дрына?»

Растлеваются в лагере те, кто до лагеря не обогащен был никакой нравственностью, никаким духовным воспитанием... Уверена, об этой книге будут еще писать и говорить. Поначалу показало мне, что долго жданный сотысячный тираж ее отчасти разошелся по рукам знающих и не стал фактом массового чтения. Но я ошиблась: по данным «Книжного обозрения», сборник лидирует в конкурсе «100 лучших книг 1989 года» — его заметили.

Но, может быть, читателям имя Ольги Львовны Адамовой-Слизберг все же больше знакомо по публикации ее записок в седьмом номере «Дружбы народов».

Б ИОГРАФИЯ у Ольги Львовны по тем временам вполне «рядовая». Окончила гимназию в Самаре, потом университет в Москве — факультет общественных наук, экономическое отделение. (Когда спросила ее, что ей интересно читать сегодня, сказала: «Экономические статьи, я все-таки экономист по образованию, хотя, конечно, от этого образования ничего не осталось».) Первый раз ее арестовали вслед за мужем, известным биологом, в 36-м году. Обвинили в участии в террористической организации с целью убийства Кагановича. Затем последовали восемь лет тюрьмы и лагерей, повторный арест в 49-м, вечная ссылка, снятая с нее в 54-м. Об этих восемнадцати годах и рассказала Ольга Львовна в своих воспоминаниях, начатых еще в 46-м. Сама она считает, что это лучшее, что она сделала в жизни.

Позвонила ей и спросила: «Как ваши записки попали к Солженицыну?» Она ответила: «Приезжайте, у меня есть его письма».

— Когда я прочитала «Ивана Денисовича», я в Солженицына влюбилась, естественно, как мне и полагалось. А Коржавин с ним общался. И в один прекрасный день Коржавин говорит: «Дайте мне вашу книгу, я хочу показать Солженицыну»...

С Коржавиным Ольга Львовна познакомилась в 51-м году в Караганде. Она была там в ссылке, а он приехал после ссылки и в первый же день был буквально подобран на вокзале женой Юрия Айхенвальда, знавшей его по Москве по выступлениям поэтов. В доме Айхенвальдов Ольга Львовна жила вот уже два месяца, не в силах прийти к себе домой — только что арестовали ее второго мужа (первый, вероятно, был расстрелян). Стихи Коржавина, которые до этого Ольга Львовна слышала только в отрывках, совершенно поразили ее. Коржавину негде было жить, и Ольга Львовна дала ему ключи от своей пустующей квартиры, а через несколько дней смогла вернуться в свой дом, где они прожили больше года как мать с сыном, и потом всю жизнь дружили...

— Он отвез Солженицыну книгу, у меня даже сохранился этот экземпляр, рукопись не закончена, ведь я и тогда не кончила свой путь... А Солженицын рукопись не принял: довольно, меня замучили, мне пришлось столько писем, что нужно только читать, а я хочу писать. В общем, не буду читать — и все тут. Ну, не захотел так и не захотел... А была такая Леночка Казаневич, дочка писателя Казаневича, она дружила с Солженицыным и сказала: я его уговорила. Так что с книгой он познакомился как бы против своей воли. А потом прислал мне письмо.

Уважаемая Ольга Львовна! Ваши записки произвели на меня очень приятное впечатление (я думаю, что не кощунственно зек зек так сказать, ведь для нас этот материал — обычный). Они — лаконичны, емки, без украшений. Они человечны: главное внимание — к окружающим, оттого с интересом и с симпатией читаются.

Я думаю, Вы избрали правильное решение — не пытаться проследить и описать весь Ваш лагерный путь последовательно. Этим самым Вы подняли выше обычных старательных мемуаров, композиция разорвалась, но к пользе Записок: выдвинулись хорошие новеллы — «Бася», «Неизвестный», «Алтушин» и отличная, великолепная «Золото». Очень свежо (ни у кого до сих пор не встречал) — о «вольной» жизни 1946—49 годов (здесь неплохо бы и подробней) и о «детском» потоке 48—49 годов (только сомнение: ведь он должен был непрерывно идти с 1940-го, по мере взросления детей). И ссылку (если она у

Вас была не слишком благополучна) Вам бы следовало описать: замечая, что о лагерях вообще гораздо больше написано, чем о ссылке.

Хочется особо отметить описание суздальского неба (вообще неба!). Эпиграфы же Ваши мне не кажутся удачными, я бы все их опустила. Ваши тюремные стихи тоже лучше бы сократили, привести в отрывках.

Я надеюсь, что в то (уже недалекое время), когда наконец записки бывали экзотикой, вы получили свой альманах, Ваши найдут себе там достойное место.

Сегодняшние общественные взгляды автора остаются довольно неясными: в чем именно они обогатились на тюремном пути. Необязательно, конечно, Вам их и разворачивать. Но недопустимо оставлять тот вывод из ссылки с Колмогорским, который Вы сделали («зверный оскал» и т. д.). Если это — и сегодняшняя точка зрения автора, то многое же Вы упустили на тюремном пути. Сам Колмогорский как лагерный придурок с салом и водкой может быть Вам естественно неприятен, но в его взгляде на

же оговорите в списке (историкам легче будет восстановить).

Моя личная просьба: если можно — расшифруйте мне такие фамилии:

Мария Вартанян
Лиза Цветкова
Женя Соболев (и Петров)

Мотя «эддисончик», и при этом укажите: могу ли я привести в весьма общем рассуждении их высказывания или элементы суждений? В каком сокращении я их могу при этом назвать?

И уж во всяком случае я не понимаю мотивов, по которым Вы не упоминаете автора и название той книги, которая была в тюрьме БУЛЫЖНИКОМ, положенным в Вашу протянутую руку? Так, все углы обходя, мы никогда не поймем, не оценим и не исправим своей истории.

Желаю успеха в окончании Вашей работы!

СОЛЖЕНИЦЫН

— Я написала Александру Исаевичу, что сочту за честь, если он воспользуется моими материалами. Что же касается «детского потока», то, по моему тюремному опыту, он пришелся именно на 48 — 49-й годы, когда подростки дети

О. Адамова-Слизберг в 1932 году и сегодня

Вашу бригаду есть страшное историческое «око за око», где первый начал не Колмогорский. Ведь Ваша же Мотя «Эдисончик» (погрязший образ!), и Прохоров (замечательный), и упоминание о «раскулаченных» женщинах (пора бы «раскулаченных» брать только в кавычки, ведь «враг народа» Вы берете) дают основание думать, что Вы иначе смотрите на проблему. Самое страшное преступление было совершено именно в 29—30-м годах, остальное было уже неизбежным следствием.

Не следовало бы Вам в слишком сильных выражениях хвалить лагерный труд как «спасение». Раз Вы поняли, что Ваш труд был не типичен для лагерей, то и не надо гимна. Не «3—4» сезона мог выдержать мужчина в забое, а 1—2 месяца (читайте Шаламова).

Есть мелкие неточности: в теплушке с Гинзбург 40 или 70 ехало? (противоречит друг другу) В Суздале по Вашим данным Вы пробыли 1, а не 2 месяца (10 мая — нач. июня) Кошечка, похороненный в Соловках, помнится не в 25 лет был посажен, а лет в 85 и отбывал 25.

Теперь еще одно важное. В таком весьма невдуманном произведении, как Ваше, хотелось бы иметь побольше имен собственных (современная литература очень любит факт и протокол). Где можно — восстановите их. Где никак нельзя из-за обид — дайте инициалы или сместите лишь часть имени-фамилии и тут

восклицанием: «кончили, мать твою за ногу!», а (я сам так!) необъяснимо увлекся самим процессом, но сегодня с утра он полдня околывался, и завтра будет оттягивать как только сможет, и всем тут будет повторять — «от работы лошади дохнут!» — и м. б. опять увлечется.

А вот в чем я с Вами был очень согласен («всякий другой труд в лагере — почти наверняка подлость») — мне приходится высказывать против большого напора. Упрекают меня, что я — слишком беспощаден к придуркам.

Еще раз — спасибо, и всего-всего Вам доброго!

А. СОЛЖЕНИЦЫН

В ПИСЬМЕ упоминаются работы Гранкиной — «друзья мои хвалили». Мемуары Надежды Васильевны частично вошли в сборник «Доднесь тяготее». Так случилось, что «крутые маршруты» Ольги Львовны и Надежды Васильевны, начавшись у одной в Москве, у другой в Ленинграде, во многом совпали; совпали и некоторые названия глав: «Казанская тюрьма» — у Адамовой-Слизберг, «Казань» — у Гранкиной и дословно — «Суздаль», «Этап»... Из чудовищного режима Казанской тюрьмы обе они извлекают одни и те же подробности (например, приводят слышанные не однажды слова начальника тюрьмы: «Снявши голову, по волосам на плачут» — не в них ли отголосок знаменитого «Лес рубят — щепки летят», только отнесенного к каждодневному быту и бытию узниц?), на всю жизнь запоминают чудесный цветущий вишневый сад в Суздале — час радости по пути в баню и то, как пели и читали целые поэмы и прозу в теплушках на этапе во Владивосток, откуда путь им в страшную Колыму, и как обнаженными провели их сквозь строй конвоиров в санпропускник в Свердловске... Они тогда не были знакомы — встретились уже на Колыме, жили вместе в Эльгене, стали подругами — и писали, естественно, поврозь, но в этом сходстве — особенность женского восприятия и порока абсолютной достоверности их воспоминаний. Но что это? Ольга Львовна с восторгом пишет о том, как пьянила их в теплушках возможность общения, разговоров в полный голос после трех-четырёх лет тюремной изоляции — «мы кричали, пели», а Надежда Васильевна замечает, как утомляли и раздражали ее бесконечные стихи: «Мне казалось, что передавать чужие мысли и чувства, хотя бы и красиво изложенные, сейчас не время. Я мучительно искала ответа на свои вопросы и оправдания всему происшедшему с нами, а они старались уйти от этих вопросов в бездумье, в музыку стихов Блока, Ахматовой, Гумилева». И это различие восприятий, во многом обусловленное разными жизненными реалиями «в миру» (у Гранкиной гораздо более жесткими), личность, не умершая в обеих, не менее интересны, чем сходство. И потому — читать их вместе.

Из письма следует, что воспоминания Надежды Васильевны так и не попали к Солженицыну, хотя он и хотел с ними познакомиться. Как это произошло? — спрашиваю у Ольги Львовны.

— Я писала и дрожала — страшно боялась: ведь когда нас выпускали, мы давали подписку о неразглашении. А сами думали: как же все-таки нам разгласить! Напишу что-нибудь — вот «Лиза» у меня есть, кто читал, помнит (рассказ о Лизе использован в «Архипелаге...» — Е. Я.), — так я поскорее спрятала рукопись в бутылку из-под шампанского, запечатала и в землю зарыла. Я тогда первый раз вышла на волю, прописана была в Гусь-Хрустальном, а жила, скрываясь, у себя дома, в Москве. Между прочим, она сказала, я была очень умная, что боялась, — когда пришла меня снова арестовывать, в 49-м был обыск, но ничего не нашли. А если бы нашли, то вместо ссылки получила бы опять лагерь. А Надежда — у нее жизнь была еще тяжелее — и после реабилитация замирала от страха, когда кто-то говорил, что она пишет, поэтому и Солженицыну воспоминания не передала. А Александр Исаевич — он всегда такой осторожный был, тут вдруг

— Я писала и дрожала — страшно боялась: ведь когда нас выпускали, мы давали подписку о неразглашении. А сами думали: как же все-таки нам разгласить! Напишу что-нибудь — вот «Лиза» у меня есть, кто читал, помнит (рассказ о Лизе использован в «Архипелаге...» — Е. Я.), — так я поскорее спрятала рукопись в бутылку из-под шампанского, запечатала и в землю зарыла. Я тогда первый раз вышла на волю, прописана была в Гусь-Хрустальном, а жила, скрываясь, у себя дома, в Москве. Между прочим, она сказала, я была очень умная, что боялась, — когда пришла меня снова арестовывать, в 49-м был обыск, но ничего не нашли. А если бы нашли, то вместо ссылки получила бы опять лагерь. А Надежда — у нее жизнь была еще тяжелее — и после реабилитация замирала от страха, когда кто-то говорил, что она пишет, поэтому и Солженицыну воспоминания не передала. А Александр Исаевич — он всегда такой осторожный был, тут вдруг

30.1.88
Уважаемая Ольга Львовна!
Спасибо большое за Ваши ответы и за Ваши разрешения. Постараюсь использовать предельно тактично.
Относительно «детей» цитирую Вашу поправку как неопровержимую. (Хотя как же: Света Тухачевская и Мирра Убогевич сели в 1944-м. Да и Якир, пожалуй.)
О работе Гранкиной я слышала, друзья мои хвалили. Мемуары Надежды Васильевны частично вошли в сборник «Доднесь тяготее». Так случилось, что «крутые маршруты» Ольги Львовны и Надежды Васильевны, начавшись у одной в Москве, у другой в Ленинграде, во многом совпали; совпали и некоторые названия глав: «Казанская тюрьма» — у Адамовой-Слизберг, «Казань» — у Гранкиной и дословно — «Суздаль», «Этап»... Из чудовищного режима Казанской тюрьмы обе они извлекают одни и те же подробности (например, приводят слышанные не однажды слова начальника тюрьмы: «Снявши голову, по волосам на плачут» — не в них ли отголосок знаменитого «Лес рубят — щепки летят», только отнесенного к каждодневному быту и бытию узниц?), на всю жизнь запоминают чудесный цветущий вишневый сад в Суздале — час радости по пути в баню и то, как пели и читали целые поэмы и прозу в теплушках на этапе во Владивосток, откуда путь им в страшную Колыму, и как обнаженными провели их сквозь строй конвоиров в санпропускник в Свердловске... Они тогда не были знакомы — встретились уже на Колыме, жили вместе в Эльгене, стали подругами — и писали, естественно, поврозь, но в этом сходстве — особенность женского восприятия и порока абсолютной достоверности их воспоминаний. Но что это? Ольга Львовна с восторгом пишет о том, как пьянила их в теплушках возможность общения, разговоров в полный голос после трех-четырёх лет тюремной изоляции — «мы кричали, пели», а Надежда Васильевна замечает, как утомляли и раздражали ее бесконечные стихи: «Мне казалось, что передавать чужие мысли и чувства, хотя бы и красиво изложенные, сейчас не время. Я мучительно искала ответа на свои вопросы и оправдания всему происшедшему с нами, а они старались уйти от этих вопросов в бездумье, в музыку стихов Блока, Ахматовой, Гумилева». И это различие восприятий, во многом обусловленное разными жизненными реалиями «в миру» (у Гранкиной гораздо более жесткими), личность, не умершая в обеих, не менее интересны, чем сходство. И потому — читать их вместе.

поступил легкомысленно: взял, да и упомянул ее в «Архипелаге...». Да Колыме и «повозках», там вышел Варлаам Шаламов, и уже написал много; там вышла Евгения Гинзбург, О. Слизберг, Н. Суровцева, Н. Гранкина и другие — и все написали мемуары. Что с ней было — чуть ли не разрыв сердца! Но все обошлось... «Колымские воспоминания» Надежды Васильевны Суровцевой, на которые не раз ссылаются Солженицын, и отрывок «Здесь жили дети» Евгения Семеновны Гинзбург также представлены в сборнике «Доднесь тяготее». — Е. Я.)

Однажды в промежутке между письмами Солженицын позвонил Адамовой-Слизберг и сказал: «Что значит — могу использовать? У вас готова книга — можете печатать». Но некоторыми фактами с ее разрешения воспользовался. А потом вдруг пришла девочка от него и принесла все его рукописи с авторской правкой и передала просьбу: по прочтении вернуть. И ночами читала Ольга Львовна «Раковый корпус», «В круге первом», пьесу «Олень и шалашовка»... Не все в их взглядах сходилось: и сцену с Колмогорским, на которую обратил он внимание в первом письме как на недопустимую, оставила она невыправленной — так она чувствовала в лагере. Дело вовсе не в том, что он — «раскулаченный»; Колмогорский — первый встреченный ею лагерный начальник из заключенных, сразу же ошеломил ее своим цинизмом, жестокостью. Тут две чаши весов, на одной из которых — «страшное историческое «око за око», на другой — милосердие: в этой адской игре все они были несчастны, и все больше дорожила она тем невольным возникавшим сочувствием, родством между людьми вчера еще разных убеждений, судеб. И имя писателя так и не назвала, искренне полагая, что это писатель действительно хороший, а роман тот был осечкой... И когда прочитала она главу «Женщина в лагере» в «Архипелаге...» тоже не совсем согласилась и написала с поправками письмо Александру Исаевичу, но тут началась травля его в печати, и письмо она порвала...

«Полный список тех без кого б эта книга не написана, не переделана, не сохранилась — еще время не пришло доверить бумаге. Знают сами они. Кланяюсь им».

Это последние слова «Архипелага...».

Вот и пришло время вспомнить, упомянутых, расшифровать зашифрованных — и поклониться.

Елена ЯКОВИЧ